

Т е м а н о м е р а : К м е т о д о л о г и и научных исследований

Ценностные маркеры культурно-исторической идентичности россиян

Возьмител Андрей Андреевич –
доктор социологических наук, главный научный
сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва

E-mail: Vozmitel@isras.ru

Концептуальные основы социологии образа жизни

DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.479

Аннотация. «Модернизационный» прорыв советского образа жизни, преобразование моностилистической культуры в полистилистическую, диверсификация образа жизни, становление его принципиально новых форм и субъектов сформировали запрос на концепцию, объясняющую происходящие изменения, на адекватное научное понимание процесса разложения и распада, становления и укрепления образа жизни, а также самого этого понятия и системы взаимосвязанных с ним категорий; на концепцию, которая являлась бы ключом к пониманию социальных процессов, происходящих в обществе на макро- и микроуровне, и к выявлению доминант, альтернатив и складывающегося вектора общественного развития. В этой связи в статье представлена последовательная реконцептуализация социологического подхода к изучению образа жизни, отражающая динамику социальных процессов, происходящих в стране; дано современное научное (в отличие от идеологизированного или обыденного) понимание его сущности как процесса воспроизводства определённых общественных отношений и формирования личностей соответствующих типов; предложен переход от структурно-функциональной к субъектно-деятельностной динамической концепции образа жизни. В созданной концепции чётко проведена идея целостности жизнедеятельности и её комплексного анализа, а разработанные категории выступают как диалектически взаимосвязанные, взаимопереходящие друг в друга. Соответственно, процесс познания сущности образа жизни (от анализа стилей – к способам жизни, а от них – к складывающейся характеристике образа жизни как единства в многообразии) совпадает с общим процессом познания: от изучения единичного – к обнаружению особенного и раскрытию общего. Это научный анализ реальных моделей жизнедеятельности, осваивающих наличное социальное пространство и содержащих в себе его будущее состояние. Таким образом, социология образа жизни является целостным концептуальным конструктом, позволяющим понять, как те или иные способы социального действия начинают определять «доминантную форму интеграции», становление модальной личности и общества современного типа.

Ключевые слова: концепция, жизнедеятельность, образ, способ и стиль жизни, реконцептуализация

Актуальные задачи российской социологии в интерпретационной парадигме образа жизни

В сегодняшнем российском государстве и обществе создаются определённые предпосылки для выхода страны из делинквентного дрейфа. Начинают формулироваться и артикулироваться общенациональные цели. Соответственно, формируется запрос на фундаментальные и прикладные исследования, отслеживающие этот процесс, на целостное его видение.

В этой связи весьма актуальными для социологической науки становятся, на наш взгляд, три взаимосвязанные задачи.

Во-первых, осмысление внутренней логики развития социальных процессов, научное социологическое видение происходящих изменений с точки зрения целевой установки на построение цивилизованного общества и государства, обеспечивающих каждому человеку свободу выбора жизненного пути, защищённость и безопасность, равные возможности достижения материального благополучия на основе реализации принципа социальной справедливости.

Вторая задача тесно связана с первой – прояснение социального качества, социального «лица» современного российского общества в контексте формирования массовых социальных практик и смыслов, конструирующих и трансформирующих реальность в определённую социокультурную систему. Ведь у нас до сих пор нет чёткой картины изменившейся страны, как нет адекватного представления о предшествующем периоде нашей истории.

А страна вновь на историческом переломе: уже не отвергает, но пристально всматривается в своё недавнее прошлое, критически и конструктивно оценивает настоящее, ищет формы и методы созидания своего аутентичного качественно иного будущего, пытаясь отделить правду от лжи, повседневную реальность от её виртуальных изображений, свет от тьмы. Подключение социологии к этому процессу всестороннего анализа «самих себя» должно привести к пониманию реальных характеристик и особенностей нашего общества и государства, а также возможных альтернатив и вектора общественного развития.

Третья общесоциологическая задача, логически выстраиваемая из двух предыдущих и обеспечивающая их реализацию, – переход от описания к объяснению, поскольку, описание явлений довольно редко сопровождается познанием их сущности.

Так как объект социологического познания всегда выступает в качестве определённой социальной системы, он должен рассматриваться как совокупность всех существенных её

элементов, взаимодействие и взаимосвязь которых образует целостные свойства этой системы, обеспечивая понимание части с точки зрения целого и его самого с точки зрения части.

Диалектический характер становления, функционирования, развития и распада социальных систем должен быть раскрыт в их обобщённых динамических моделях, отражающих действие факторов разного содержания и уровня: объективного и субъективного, личностного и общественного в их взаимообусловленности. Причём человек как личность характеризуется здесь совокупностью тех социальных отношений, субъектом которых он является. Это уточнение ориентирует исследователя на распознавание смыслов социального действия, выступающих в качестве его причин, на изучение характера и направленности социальных изменений, возникающих в результате целенаправленной деятельности социальных субъектов.

Таким образом, можно констатировать, что развитие российской социологии, ставящей задачи научного осмысления происходящих изменений в контексте социальной нестабильности, неразрывно связано с разработкой субъектно-деятельностного подхода.

Для реализации названных фундаментальных задач, на наш взгляд, лучше всего подходит концепция образа жизни, которая, не подменяя собой специальных социологических теорий, рассматривает человека как целостного субъекта жизнедеятельности, в единстве (порой противоречивом) его социальных связей: экономических, политических, культурных и духовно-нравственных. Предметом исследования в рамках этой концепции выступают типичные формы повседневного поведения людей, способы организации и самоорганизации ими своей жизни в конкретных пространственно-временных социальных условиях в соответствии с определёнными ценностными ориентирами.

Уровень анализа образа жизни – повседневная жизнь людей, по праву признаваемая рядом современных социологических концепций «высшей реальностью». Гносеологически потребность в изучении этой реальности, выступающей связующим звеном между обществом и личностью, определилась движением социального познания от абстрактного к конкретным механизмам формирования личностных, групповых и общесоциальных черт, опосредующих способы организации людьми своей жизнедеятельности.

Используя богатый познавательный потенциал образа жизни, философы, экономисты, социологи, историки пытались преодолеть господствовавшие долгое время в советской науке стереотипы объяснения механизмов социального воспроизводства. Возможно, именно это обстоятельство повлияло на то, что изучению образа жизни в той или иной мере отдали дань

Развитие российской социологии, ставящей задачи научного осмысления происходящих изменений в контексте социальной нестабильности, неразрывно связано с разработкой субъектно-деятельностного подхода.

Уровень анализа образа жизни – повседневная жизнь людей, по праву признаваемая рядом современных социологических концепций «высшей реальностью».

многие ведущие обществоведы 70–80-х годов прошлого века. Проблематика образа жизни актуализировалась в СССР и странах Восточной Европы именно в этот период.

Важную роль сыграли онтологические факторы: переход от жёсткой идеологической и правовой регламентации повседневной жизни людей в экстремальных постреволюционных ситуациях в этих странах к развитию социализма на своей собственной демократической основе, что привело к появлению многовариантных моделей образа жизни (в том числе альтернативных) и обусловило необходимость теоретического осмысления этого процесса, определения способов и методов его регулирования.

Причём именно в эти годы образ жизни становится одним из основополагающих критериев оценки жизнеспособности противоположных социальных систем и, соответственно, предметом ожесточённой идеологической борьбы, что также повлияло на актуализацию рассматриваемой проблематики.

Однако главное состояло в том, что, отвечая потребностям практики, анализ образа жизни открывал новые научно-практические горизонты.

Известно, научная концепция рождается тогда, когда используемый научный инструментарий оказывается неадекватным для описания и объяснения того или иного явления или процесса. Поэтому об образе жизни как научной категории заговорили лишь тогда, когда выяснилась ограниченность, недостаточность анализа отдельных видов жизнедеятельности людей, когда возникла необходимость предвидеть изменения в системе социальных отношений в результате изменений, происходящих в её частях.

Многочисленные компании, непродуманные эксперименты и реформы в нашей стране сменяли друг друга, принося порой совершенно неожиданные плоды. Всё это социальное «творчество» дало, по крайней мере, один положительный результат: осознание той простой истины, что радикальные преобразования в одной, отдельно взятой сфере общественной жизни останутся на уровне благих пожеланий, если не будут дополнены столь же радикальными изменениями в других сферах. Поэтому предполагалось (и декларировалось в основных директивных документах), что планирование должно опираться на целостный анализ многообразных социальных связей и отношений человека с окружающим миром, а планирование долгосрочное – на прогнозы образа жизни [Социалистический образ жизни... 1984: 18].

Взросшие требования к социальному управлению побуждают принимать решения сбалансированные, комплексные, когда оно имеет в своём поле зрения не только отдельные сферы жизнедеятельности, но и все её структуры одновременно – то есть образ жизни как определённую целостность,

Об образе жизни как научной категории заговорили лишь тогда, когда выяснилась ограниченность, недостаточность анализа отдельных видов жизнедеятельности людей, когда возникла необходимость предвидеть изменения в системе социальных отношений в результате изменений, происходящих в её частях.

с помощью которой можно определить реально складывающиеся, а не абстрактно-теоретические характеристики социального «лица» того или иного общества, направление и характер происходящих в нём изменений, раскрыть механизмы формирования активности и базовых ценностных ориентиров.

Отражая наиболее важные человеческие результаты инноваций в экономической, социальной, политической и духовной сферах, включая в себя систему критериальных показателей социального развития (уровень, качество жизни, социальное благополучие и социальное самочувствие) проблематика образа жизни содержит основные противоречия и альтернативы общественного развития. Актуальность такого знания в нынешней чрезвычайно сложной, противоречивой и динамичной ситуации трудно переоценить.

Отметим в этой связи, что образ жизни представляет собой не просто совокупность устойчивых форм общественной деятельности людей, но систему именно *доминантных* способов реализации их социального бытия, характерных для исторически конкретных социальных отношений, функционирующую на основе ценностных смысложизненных установок, сама специфика которых составляет её качественную характеристику.

Становление конкретного образа жизни происходит вместе с формированием модальной личности, воспроизводящей определённое отношение к миру, характерное для доминирующих моделей жизнедеятельности и консолидирующее основные сегменты социального пространства.

Иначе говоря, для появления и нормального функционирования образа жизни необходимо некое объединяющее начало, отношение к миру, отражающее социальное качество, сущность и смысл того или иного общества. Это те общие представления о базовых нормативных экспектациях, о должном и сущем, о происхождении и предназначении наличной социальной системы и т. п., которые в данном конкретном обществе являются само собой разумеющимися и на основе которых возникает чувство отождествления с другими людьми.

Кризис и распад советской цивилизации предельно обострили проблему идентичности России, актуализировав разнообразие потенциалов её трансформации, каждая из которых имеет свой вектор возможных социальных изменений. К настоящему времени в социальном «котле» российского общества образовались и отчётливо проявляются несколько центров субъективной активности вместе с продуцируемыми ею типами жизни. Каждый из них имеет своё «силовое поле» притяжения разнородных социальных сил, узловые точки роста социальной реальности. Взаимодействуя между собой, образуя причудливые сочетания конкретных типов жизнедеятельности, они

Проблематика образа жизни содержит основные противоречия и альтернативы общественного развития. Актуальность такого знания в нынешней чрезвычайно сложной, противоречивой и динамичной ситуации трудно переоценить.

Для появления и нормального функционирования образа жизни необходимо некое объединяющее начало, отношение к миру, отражающее социальное качество, сущность и смысл того или иного общества.

формируют вполне определённые, эмпирически фиксируемые черты личности, семьи, мотивации и способов труда, образцы самоиндификации, восприятия и отношения к миру.

Другими словами, в самой толще общества медленно, мучительно, противоречиво, но идёт переход от некогда «могучего» унифицированного и, надо сказать, притягательного для многих «советского» образа жизни к многообразным моделям жизнедеятельности различной конфигурации, нередко сталкивающихся друг с другом своими достаточно острыми краями.

По всей видимости, сегодня можно говорить о сложившихся американском, японском, китайском и других типах образа жизни, и только в будущем – о специфически российском его варианте, поскольку он сам по себе должен являть нам не просто устойчивые формы человеческой жизнедеятельности, но типичные для исторически конкретных социальных отношений, раскрывающие и качественно характеризующие данное общественное устройство. В таком понимании специфика российского образа жизни сегодня состоит в его фактическом отсутствии, в конгломерате противостоящих друг другу, нередко антагонистических моделей жизни.

Отсюда главная теоретико-методологическая проблема исследования образа жизни сегодня: как изучать то, чего нет в действительности, но что может и должно появиться в не слишком далёком будущем?

Образ жизни в России распался как целостность, но конечно же остался в виде реальной общественной потребности. И задача социологов выявить и проанализировать формы её реализации и объективации. А это означает необходимость анализа и интерпретации реально складывающихся моделей жизнедеятельности как процесса движения к новой целостности на основе эмпирической информации, отражающей социальную активность их субъектов и приведение этой активности в сопряжённое взаимодействие.

Поставленный главный вопрос предопределяет методологический инструментарий, с помощью которого только и можно анализировать описанную выше ситуацию. Во всяком случае, необходимость акцентирования процессуально-деятельностного подхода к анализу изменений в социальном пространстве достаточно очевидна.

Мы полагаем, что именно в типических образцах приспособления к изменяющимся условиям, в конкретных способах самоорганизации жизни различными социальными субъектами, а точнее говоря, в процессе становления их собственной субъектности творится искомая российская идентичность.

Из этой предпосылки «вытекает» генеральная цель исследования: анализ процесса реструктуризации социального пространства.

Специфика российского образа жизни сегодня состоит в его фактическом отсутствии, в конгломерате противостоящих друг другу, нередко антагонистических моделей жизни.

Фундаментальная задача здесь состоит в детальном анализе процесса дезинтеграции старых (традиционных) и становления новых (новаторских) элементов в повседневной жизни людей в ходе их социально-экономической адаптации, естественного конкурентного отбора в борьбе за экономическое и социальное пространство, за приоритетность своего социального качества в условиях перехода российского общества к рыночному типу социальной интеграции. Таким образом ещё раз подчёркивается актуальность проблемы образа жизни, «впитавшей» в себя основные противоречия и альтернативы общественного развития.

Для реализации этой фундаментальной задачи должны быть переосмыслены использовавшиеся ранее теоретические подходы к анализу образа жизни, господствовавшие в СССР и странах Восточной Европы в 1970–90-е гг.

Основные направления социологических исследований образа жизни в советское время

В СССР и странах народной демократии Восточной Европы опыт изучения образа жизни в 1970-е гг. накапливался в основном в социологической литературе, а не в эмпирических исследованиях, которые традиционно проводились в рамках социологии досуга, семьи, быта, образования, общественной жизни, бюджетов времени. Они давали хотя и новые, интересные, но всё же фрагментарные сведения о реально складывающемся образе жизни. Идея целостности жизнедеятельности и её комплексного анализа в них просто «растворялась», поскольку изучались элементы образа жизни, то есть часть субъекта, включённого в определённые сферы. Правда, можно назвать по крайней мере три в целом успешные попытки перехода от изучения отдельных сфер (видов) жизнедеятельности к созданию эмпирически верифицируемых типологий (моделей) образа жизни. Это работы И. В. Бестужева-Лады [Бестужев-Лада 1980; 1983], новосибирских социологов Т. И. Заславской, И. В. Рывкиной [Методология и методика... 1980] и Ж. Т. Тощенко [Тощенко 1980, 1983].

Однако, пожалуй, самая мощная попытка преодолеть инерцию сложившегося подхода была предпринята в ИСИ АН СССР (директор В. Н. Иванов) сотрудниками отдела комплексного изучения образа жизни (рук. И. Т. Левыкин, авторы программы исследования – И. Т. Левыкин, Т. М. Дридзе, Э. А. Орлова, Я. В. Рейзема). Была разработана уникальная методика исследования, решавшая сложные задачи сопряжения в одном документе систем показателей, связанных

с анализом деятельности в различных сферах (материальной, общественно-политической, семейно-бытовой, досуговой), а также ценностных структур, уровня и качества жизни (авторы А. А. Возьмитель, Т. М. Дридзе, Ю. К. Иванов. В разработке этой методики принимали участие М. Е. Позднякова и М. В. Покровская, консультант М. Х. Титма).

Партийными органами и АН СССР было принято решение о проведении Всесоюзного исследования «Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни» и создании одноимённого исследовательского проекта. По модели многоступенчатой всесоюзной выборки в 29 регионах страны, представляющих восемь союзных республик (Азербайджанскую, Белорусскую, Казахскую, Киргизскую, Латышскую, Молдавскую, Украинскую ССР и РСФСР), было опрошено 10 500 человек.

Исследование не имело аналогов ни в отечественной, ни в зарубежной социологии как по масштабам, так и по полученным результатам, но именно поэтому его итоги были долгое время скрыты под грифом «ДСП». Эта участь постигла первую же обобщающую публикацию проекта «Советский образ жизни. Состояние, мнения и оценки советских людей» под редакцией И. Т. Левыкина и А. А. Возьмителя [Советский образ жизни... 1984].

В сборнике впервые на репрезентативном материале были вскрыты тенденции, мощно проявившие себя в последующие годы:

- приватизация жизни, активное формирование и развитие семейно-бытовых ориентаций по сравнению с ориентациями общественно-производственными;
- незаинтересованность большинства советских людей в эффективной работе вследствие того, что они не видели связи между интенсивностью и качеством своего труда, с одной стороны, и заработком – с другой;
- падение интереса к общественной жизни, в особенности – к участию в деятельности огосударствленных общественных организаций, прежде всего со стороны «социального эталона» – рабочего класса, а также молодёжи;
- формирование особого «советского» типа образа жизни и личности, для которых свойственно разделение на публичную и частную составляющие, совместимость, казалось бы, несовместимого: социально одобряемых и неодобряемых норм и ценностей.

В этой работе были поставлены и другие весьма острые для того времени вопросы, связанные с обнаружением целого ряда противоречий в сознании и поведении людей, между социальными ориентациями и реальными условиями жизни.

Второй замер проекта на базе всесоюзной выборки был осуществлён в 1986–87 гг. Он выявил разрастание «клубка» проблем и противоречий в советском образе жизни и укоренение тенденций, проявивших себя ранее.

Третий замер в варианте всесоюзного почтового опроса и опроса в Москве, осуществлённый в 1990 г., зафиксировал начало активного распада советского образа жизни и то драматическое положение, в котором оказалось подавляющее большинство населения огромной страны.

С помощью этих исследований была создана эмпирическая база изменений в образе жизни, что позволило дать обоснованные и развёрнутые сценарии (прогнозы) его развития после 1990 г.

В 1990 г. нами был спрогнозирован наиболее вероятный вариант социальных изменений в обществе и образе жизни в условиях длительного кризисного развития. Его основные характеристики: общая невысокая мотивация к труду, превращение последнего из сферы давления на работника в сферу давления на органы власти; противостояние различных общественных сил и поиск компромиссов между ними, перераспределение власти между центром и регионами; поляризация ценностных установок; общее запаздывание с решением назревших проблем и перманентное принятие нереальных мер; вспышки насилия и практически общее стремление к их ликвидации; неустойчивое социальное самочувствие. Как нетрудно заметить, все названные параметры действительно оказались достаточно типичными для лихих девяностых.

Долгое время продолжал реализовываться и другой разработанный нами сценарий изменений в обществе и образе жизни – в условиях распада. Причём реализовывался он как бы по спирали: от распада СССР через «созидательное» разрушение, дегуманизацию человеческих связей и отношений, размывание границ между нравственным и безнравственным, ухудшение социального самочувствия, низкую мотивацию к труду, сращивание мафиозных, общественных и государственных структур и т. п. – к социальным потрясениям и новому общенациональному развалу [Возьмитель 1991].

Широкое социальное видение, «вживание» в социальную ситуацию, основанные на комплексном анализе трендов в уровне и качестве жизни, нормах жизнедеятельности и менталитете общества, выгодно отличают прогнозы образа жизни от чисто политических, демографических и т. п. прогнозов, не раз демонстрировавших свою несостоятельность.

При этом следует отметить, что в советское время господствовала по сути структурно-функциональная концепция образа жизни, предполагавшая достаточно жёсткую детермина-

В 1990 г. нами был спрогнозирован наиболее вероятный вариант социальных изменений в обществе и образе жизни в условиях длительного кризисного развития.

цию человеческой деятельности социальной системой, в которую человек включён по преимуществу как функция этой системы, а базовые характеристики структурных компонентов целого выводятся непосредственно из него самого.

В рамках этой концепции образ жизни рассматривался в двух ипостасях: как нормативно-формационный (социалистический) и как конкретно-исторический (советский, болгарский, венгерский и т. п.)

Первый тип мыслился как сочетание характеристик общественного идеала, выводимых из базовых формационных черт с характеристиками, необходимыми для функционирования и развития всего социалистического социума в определённом «хронотипе». Он задавал основные социальные ориентиры и способы их реализации.

Второй представлял собой картину типических, реально складывающихся социальных практик и смыслов повседневного поведения людей в той или иной стране.

Сопоставление нормативно-формационной конструкции с реальностью (веберовское каузальное сведение), вырисовывающейся в результате социологического анализа, давало важную информацию о главных противоречиях и проблемах, преломляющихся в образе жизни людей, что служило основой для разработки рекомендаций по его совершенствованию.

Надо сказать, к нам плохо прислушивались, обвиняли в «очернительстве» и т. п. А в результате даже в основных партийных и государственных документах желаемое нередко выдавалось за действительное. Тогда многие из научной и политической «общественности» предпочитали видеть лишь тот мир, который они хотели видеть или же который им было видеть выгодно.

Распад советского образа жизни привёл к появлению новой социальной реальности, относительно которой должны были отрабатываться и новые научные подходы. Советский образ жизни как бы растворился в тумане неопределённости основных социальных целей, ценностей и норм.

Хотелось бы сразу подчеркнуть, исключение из научного оборота определений «советский» и «социалистический» образ жизни, явившееся прямым следствием прекращения холодной войны, распада СССР и социалистического лагеря, не привело, да и не могло привести к ликвидации одного из важнейших направлений социологической науки: изучения повседневной жизни людей, которая, как справедливо отмечает А. С. Ципко, является «самым наглядным, самым доказательным проявлением существа той или иной социальной системы, самым главным, то есть человеческим результатом её развития и функционирования» [Ципко 1979: 24]. Произошло

лишь естественное в сегодняшних условиях сужение научного пространства за счёт целого пласта исследований, обеспечивавших нужды внутренней и внешней пропаганды.

Тем не менее, «исчезновение» советского или же какого бы то ни было другого образа жизни свидетельствуют о специфичности этой научной категории, её применимости прежде всего к стабильным, устоявшимся обществам, выработавшим свою национальную и социальную определённую, о её детерминированности социальным временем.

Возникает тут и ряд теоретико-методологических проблем. Ведь эта ситуация, как пишут авторы одной из основополагающих в этой области собственно социологических работ, означает ликвидацию той принципиальной ориентации, которую господствующий способ производства сообщает многообразным формам «жизнедеятельности членов общества; ориентации, преломляющейся во всех наличных общественных отношениях – экономических, социальных, национальных, нравственных, политических, эстетических и т. п., вплоть до семейных и бытовых» [Состояние и основные тенденции... 1980]. Сообщает, понятно, созданием соответствующих условий, «стирающих» различия между городом и деревней, рабочим классом, крестьянством и интеллигенцией, а потому и требует «рассматривать социальную реальность под углом зрения того, как природа социалистического строя проявляется в конкретных действиях, общении и поведении представителей различных социальных групп, как в ходе их повседневного бытия реализуются те возможности, которые обеспечиваются им условиями социализма» [Состояние и основные тенденции... 1980: 10].

Итак, в методологическом плане распад советского образа жизни означает исчерпание познавательных возможностей анализа такого рода, вполне уместного в условиях авторитарного государства и массово безликой жизни, когда образ жизни каждого человека и социальной группы не только рассматривается с точки зрения его соответствия «принципиальной ориентации», но и всеми доступными средствами подгоняется под неё. Как показали наши всесоюзные и другие крупномасштабные исследования, делается это достаточно успешно [Советский образ жизни... 1984: 140–163; Советский простой человек ...1993: 13–65].

Тем не менее, насколько это было возможно, анализ повседневной жизни в ракурсе «принципиальной ориентации» ставил и решал важные теоретические и практические проблемы становления личности в конкретных социально-исторических условиях, её взаимодействия с микросредой и обществом в целом. Однако само «производство» образа жизни, его процессуальный характер оставались, по сути дела, за пределами научного осмысления, за исключением, пожалуй,

давнего спора о том, чем является исследуемый феномен: проявлением социального в индивидуальном или же индивидуального в социальном.

Уяснению сущности образа жизни мало способствовало и накопление узкоспециализированных локальных результатов. Понимание процесса в одной сфере или на микроуровне не давало существенного прироста знания на макроуровне.

А следовательно, малопригодным оказывается сегодня и главный инструмент рассматриваемого анализа: разбиение образа жизни на индивидуальный, групповой и общества в целом, позволившее в своё время описать реальное состояние советского образа жизни, выяснить особенности группового и личностного бытия господствующих общественных отношений, но вряд ли подходящее для рассмотрения процесса диверсификации образа жизни, становления его принципиально новых форм и субъектов. Прежде всего, потому что:

- трёхуровневый образ жизни с единой «принципиальной ориентацией» отражает исторически специфическую связь личности и общества, характерную для советского строя с его нивелировкой индивидуальности. И, скорее, массово-одиночным, нежели индивидуальным образом жизни личности социалистического типа;

- в основу классификации образа жизни и его субъектов кладётся не сама жизнедеятельность, а уровни организации общества и его социальная структура. В результате основное внимание уделяется во многом формальным, а не реально действующим субъектам жизнедеятельности, а её собственный анализ подменяется социоструктурным;

- рассматриваемое разбиение единого образа жизни по сути своей означает отрицание самой возможности появления моделей жизни, альтернативных господствующему. Поэтому естественно, что именно «развитие» и «совершенствование» являются тут главными знаковыми понятиями;

- наконец, вызывает возражения словосочетание «индивидуальный образ жизни» – противоестественное объединение в одно понятие единичного, отличающегося характерными признаками от других, и социально-типического, характеризующего способы (формы) совместной деятельности людей.

Словом, то, что годится для одного социального времени, неприемлемо для другого; что позволяет изучать статику, нередко препятствует анализу динамики. Однако именно распад советского образа жизни инициировал поиск механизмов, опосредующих взаимодействие общества и личности, а также моделей, описывающих эти опосредствования с учётом активной роли личности в формировании и изменении образа жизни.

Распад советского образа жизни инициировал поиск механизмов, опосредующих взаимодействие общества и личности, а также моделей, описывающих эти опосредствования с учётом активной роли личности в формировании и изменении образа жизни.

В поисках новой парадигмы

Необходимым условием нормального функционирования и развития любой общественной системы является внедрение её принципов в повседневную жизнь людей. Напомним в этой связи, что именно игнорирование сферы повседневной жизни не раз ввергало российское общество в серьёзные кризисные ситуации, равно как пристальное внимание к ней в западной цивилизации не раз спасало последнюю от социальных катаклизмов.

В обществе, претендующем на название демократического, повседневная жизнь человека не является лишь проявлением тотальной зависимости от господствующих институтов и структур, а образует достаточно автономные пласты обыденной жизни, конгломерат или систему, определённое сочетание («парадигму») «жизненных миров», во многом определяющих специфику формирующегося гражданского общества, социального производства и воспроизводства.

В плюралистическом цивилизованном обществе эти миры порой очень сильно различаются, а то и «борются» друг с другом за приоритетность своего социального качества, находясь при этом в состоянии взаимного приспособления, обеспечиваемого наличием центрального универсума – того, что в данном обществе считается само собой разумеющимся: общезначимых ценностей, норм, типов социального взаимодействия между людьми. То есть, образа жизни – той главной идентичности, которую мы потеряли и никак не можем обрести вновь. В совокупности с действием других факторов это привело к зримым результатам: деградации практически всех сфер общественной жизни: экономической, политической, культурной, духовно-нравственной и т. д. Причём в таких формах и масштабах, которые весьма трудно было представить в «благодарные» времена перестройки и гласности.

Отсюда – чрезвычайная важность формирования центрального универсума, новой российской идентичности, что само по себе является актуальной социально-политической задачей, необходимой предпосылкой солидарности и основой преодоления конфликтности. Условием её эффективного решения выступает знание (понимание) процесса становления жизненных миров, их взаимодействия между собой и системой. Иначе говоря, необходимо осмыслить образ жизни как процесс конструирования людьми социальной реальности, в результате которой возникает упорядоченность повседневной жизни.

И тут в силу интегративной сущности концепции образа жизни, призванной объединить различные представления в условиях неполноты информации об этом сложном объекте, мы будем принимать во внимание и использовать различные подходы.

Необходимым условием нормального функционирования и развития любой общественной системы является внедрение её принципов в повседневную жизнь людей.

Так, важная для нашего исследования марксистская теория социального воспроизводства и, в частности, известное положение о тождестве жизнедеятельности людей и того, «что они собой представляют» [Маркс, Энгельс 1955, т. 3: 440], должны быть дополнены анализом с точки зрения истины, высказанной ещё ветхозаветным автором: «Каковы мысли в душе его (человека), таков и он» [Библия 1995: 617].

Собственно, эта идея была всесторонне рассмотрена и развита М. Вебером в его «понимающей социологии», объектом которой является смысловая связь поведения независимо от степени её выраженности [Вебер 1990: 497] и которая помогает нам понять, какой субъективно подразумеваемый смысл связывает личность с другими личностями, на каком основании люди объединяются в группы, ассоциации и т. п.

Актуальными для нас являются другие положения социологии М. Вебера: о роли нравственно-религиозной реформации в жизни западного (шире – современного) общества, о двух типах капитализма, об идеально-типических конструкциях и т. д.

Поскольку предметом нашего исследования является деятельность человека в определённом социальном контексте, в результате чего возникает упорядоченная реальность повседневной жизни, для нас несомненный интерес представляет анализ процессов объективации, институционализации и легитимации, осуществлённый в рамках социологии знания (П. Бергер, Т. Лукман), а также мысли А. Шюца о повседневности, необходимости восстановления связи абстрактных научных понятий с «жизненным миром»; идеи Э. Гидденса о предмете социальных наук, которым является не индивидуальный опыт и не существование какой-либо социетальной тотальности, а социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени; концепция Ю. Хабермаса о диалектике взаимоотношений «жизненного мира» и социальных систем.

Для нашего анализа важны идеи социокультурной динамики П. Сорокина о роли ценностей и кризисе рационалистической евро-американской цивилизации. Попытка внедрения её принципов в наше общество и полученный результат, в общем и целом совпадающий с прогнозом П. Сорокина относительно западного общества, косвенно подтверждает его правоту.

И конечно же нам не обойтись без трудов отечественных авторов: В. А. Ядова (диспозиционная теория саморегуляции социального поведения личности), Л. П. Бугевой, А. Н. Леонтьева, Ю. К. Плетникова, посвящённых анализу деятельной природы человека, но прежде всего авторов, внесших свой вклад в разработку проблем образа жизни и раскрытие сложности (многоплановости) как самого этого понятия, так и одноимённого процесса, им обозначаемого (К. А. Абульхановой-Славской, Е. А. Ануфриева,

И В. Бестужева-Лады, Г. М. Борисова, А. П. Бутенко, Ю. Е. Волкова, Л. А. Гордона, Б. А. Грушина, Ю. Н. Давыдова, Т. М. Дридзе, Т. И. Заславской, А. Г. Здравомыслова, В. Ж. Келле, Э. В. Клопова, Ю. А. Левады, И. Т. Левыкина, Ю. М. Лотмана, Л. А. О니кова, Э. А. Орловой, Н. М. Римашевской, М. Н. Руткевича, Р. В. Рывкиной, Э. В. Струкова, В. И. Толстых, Ж. Т. Тощенко, А. С. Ципко, В. Н. Шубкина и многих других).

Необходимо отметить и социологов Восточной Европы, в совместных дискуссиях с которыми разрабатывались основные теоретико-методологические позиции (понятийный аппарат, конкретное содержание категорий анализа, основные показатели и т. п.) исследований образа жизни: В. Добриянова, С. Видершпиля, И. Мюллера, Ф. Патаки, А. Сициньского, З. Суфина, А. Ст. Тодорова, Т. Хан, Б. и И. Филиппцевых, Х. Штайнера и других.

Что же касается работок западных коллег, реализующихся в эмпирических исследованиях, то здесь ситуация гораздо сложнее, поскольку и сегодня наша социальная реальность чаще всего не поддаётся не только объяснению, но и описанию с позиций используемых ими концепций и методик.

В этой связи можно сослаться на фундаментальное исследование стилей жизни (проект VALS), впервые реализованное в 1980 г. в США по общенациональной выборке и воспроизведённое позже в ведущих странах Западной Европы: Великобритании, Германии, Италии, Франции и Швеции. В теоретико-методологическом плане оно основывается на сочетании двух подходов: иерархии потребностей А. Маслоу и концепции социального характера Д. Рисмена. На пересечении этих координат были сконструированы три базовых модели жизнедеятельности, в рамках которых вычленены восемь стилей жизни:

- **NEED-DRIVEN** (ведомые нуждой, люди, которыми руководят первичные потребности);
- *Survivor* («выживающие»; опустившиеся, обездоленные, без шансов подняться);
- *Sustainer* («поддерживающие» свою жизнь, они ещё борются, карабкаются – более молодые и менее депрессивные);
- **TRADITIONAL, OUTER-DIRECTED DEVELOPMENTAL PATH** (консервативные, внешне ориентированные в своём поведении);
- *Belongers* (консерваторы, не желающие выделяться, довольный средний класс, интегрированный в целостную систему общества, его образ жизни);
- *Emulators* (в противоположность «belongers» стремятся к более высокому социальному статусу и предпринимают немало усилий в направлении достижения этой цели);

- *Achivers* (ориентированные на успех, признание, материальные ценности, приятную жизнь в полном достатке);
- **CONTEMPORARY, INNER-DIRECTED DEVELOPMENTAL PATH** (современные, внутренне ориентированные в своём поведении);
- *I-Am-Me's* (переходная группа от внешне ориентированных к внутренне ориентированным: молоды, экспрессивны, нарциссичны, неординарны в поведении и стиле жизни);
- *Experimentals* (руководствуются, как правило, внутренними ценностями, но не столь эгоцентричны, как «I-Am-Me's»). Активны в видении, понимании и решении проблем в различных сферах деятельности. Играть важную роль в качестве законодателей мод и групп, с помощью которых успешно реализуются идеи и товары);
- *Societally conscious* (высшая ступень развития внутренне ориентированных: люди, размышляющие о проблемах общества, об обществе как целостности в политическом и божественном смысле. Проявляют сильную активность в различных сферах деятельности на основе целостной системы ценностных ориентаций, единого мировоззрения. В стилях жизни аскетичны, придают большое значение реализации внутренних ценностей, развитию личностного потенциала);
- **INTERGRATED** (соединяют инструментальность и волю внешне ориентированных с эмпатией внутренне ориентированных. Они хорошо подходят к руководящим должностям, лучше других воспринимают чужие идеи и сглаживают конфликты). Это девятый тип личности и стиль жизни [Mitchell 1983: 4–26].

Таким образом, мы видим логично выстроенную, внутренне непротиворечивую модель стилей жизни, на основе которой может быть разработан некий социографический «профиль» страны, пригодный для сравнительных исследований. При наложении друг на друга ряда таких профилей, относящихся к различным временным промежуткам, можно оценить динамику изменений, происходящих в конкретной стране. А при сравнении профилей различных стран – оценить степень их сходства и различия.

Однако именно последний вид сравнительных исследований по стандартизированной запатентованной методике вызывает наибольшие сомнения ввиду достаточно серьёзных социокультурных различий между странами. Так, уже первый взгляд на конструкцию стилей жизни VALS позволяет отметить её «чужеродность» по отношению к реалиям России, поскольку в соответствии с ней большинство населения нашей страны, по всей видимости, окажется в рамках типа «ведо-

мых нуждой» («need-driven»), в то время как другие важные группы типологии вполне могут не получить статистически значимого наполнения в репрезентативных опросах.

Здоровый культурный релятивизм в отношении проекта VALS был продемонстрирован и западноевропейскими учёными, которые подвергли его критике по результатам проведённых в их странах исследований [Georg 1998: 130–134]. Всё это, разумеется, не означает, что следует пренебрегать опытом западных коллег при разработке программ и инструментария конкретных исследований образа жизни. Однако его использование имеет ряд ограничений (особенности социальной структуры, социокультурной динамики, менталитета и т. п.), которые предполагают достаточно серьёзную адаптацию западных методик к российской специфике.

Анализ трудов всех упомянутых выше авторов (в т. ч. критический) помогает нам глубже понять социальное пространство как явление, созданное и постоянно создаваемое в повседневном общении (взаимодействии) людей, осмыслить его в собственно человеческом бытии, в соотношении с идеями, представлениями, интересами и целями практически действующих личностей.

Динамическая, субъектно-деятельностная концепция образа жизни

«Модернизационный» прорыв советского образа жизни, преобразование моностилистической культуры в полистилистическую, диверсификация образа жизни, становление его принципиально новых форм и субъектов сформировали запрос на концепцию, объясняющую происходящие изменения, на адекватное научное понимание процесса разложения и распада, становления и укрепления образа жизни; самого этого понятия, а также системы взаимосвязанных с ним категорий. Концепцию, которая являлась бы ключом к пониманию социальных процессов, происходящих в обществе на макро- и микроуровне; к выявлению доминант, альтернатив и складывающегося вектора общественного развития страны, двигающейся пока ещё из «неведомо что» в «неведомо куда».

В поисках адекватной характеристики переходного периода многие учёные и политики обращаются к анализу исторического, экономического и политического развития России, даже её географического положения. Мы же полагаем, что сущность исследуемого транзита может быть лучше всего понята, исходя из антропологических особенностей, из определённого сочетания моделей жизнедеятельности людей, их жизненных миров как конгломерата или определённой

«Модернизационный» прорыв советского образа жизни, преобразование моностилистической культуры в полистилистическую, диверсификация образа жизни и др. сформировали запрос на концепцию, объясняющую происходящие изменения, на научное понимание процесса становления и укрепления образа жизни; самого этого понятия и системы связанных с ним категорий.

системы значимых социальных практик, формирующих, отражающих и выражающих наши базовые мотивы, предпочтения и вкусы в отношении предметов, ценностей и людей.

С учётом всех перечисленных экспектаций к разрабатываемой концепции образа жизни можно определить её тип (динамическая, процессуальная, субъектно-деятельностная) и сформулировать основные принципы:

1. Именно различия в повседневной жизнедеятельности людей, а не их принадлежность к той или иной, во многом формальной социостатусной группе – суть главные критерии дифференциации и типологизации образа жизни, а также вычленения его субъектов. Нетрудно заметить, что здесь меняется логика анализа. Если обычно в социологических исследованиях сначала ставится вопрос «кто действует», а затем – «как, каким образом действует», мы акцентируем внимание на моделях жизнедеятельности, на анализе распространённости тех или иных способов самоорганизации жизни, которые только потом идентифицируются с социальными носителями. Такой подход позволяет выйти за рамки традиционных стратификационных представлений, учесть как старые, так и новые элементы сознания и поведения людей, интегрирующиеся в особые повседневные социальные практики, представляющие собой разновидности жизненных миров: специфические образцы восприятия и отношения к миру, возникающие на основе способов производства своей жизни, определённой трудовой мотивации, направленной на достижение своеобразных социальных и социально-экономических целей.

2. В центре субъектно-деятельностного подхода личность, действующая в разных масштабах своей жизни, которая именно в результате определённой целенаправленной деятельности приобретает статус субъекта и относится нами к тому или иному социальному или социально-психологическому типу, продуцирующему и производящему вполне определённые типы (модели) повседневной жизни.

Согласно же марксистской традиции, социальные качества личности порождаются способами производства своего материального бытия: способами труда и производства предметов существования, которые являются не только и не столько способами воспроизводства физического состояния индивидов, сколько основными способами реализации жизни. Они формируют определённые особенности личности, соответствующие типу жизнедеятельности общества. Это общий методологический принцип, применяемый нами для выделения личностей социальных и социально-психологических типов, «производящих» различные способы и стили жизни.

Идентификация этих типов осуществляется посредством определения того субъективного смысла, который человек вкладывает в свою деятельность; а также выделения

мотивационно-деятельностных характеристик, отражающих современные базовые установки личности в процессе производства своего материального бытия.

3. Образ жизни не есть нечто статичное. Это процесс, как сознательный, так и стихийный. Сознательный, поскольку люди сами выбирают модели жизнедеятельности, а то и творят их. Стихийный в том плане, что результат конкуренции этих моделей далеко не всегда предсказуем. Взаимодействуя между собой, образуя устойчивые сочетания конкретных типов повседневной жизнедеятельности, они формируют вполне определённые доминантные, эмпирически фиксируемые черты личности, семьи, мотивации труда, образцы самоидентификации, восприятия и отношения к миру, из которых выкристаллизовывается реальный образ жизни общества в целом.

Для описания и объяснения этой логики социального взаимодействия в научный оборот введена система категорий, отражающих интегративные и дезинтегративные процессы в жизнедеятельности людей, её статику и динамику. Система эта состоит из узнаваемых, но далеко не тождественных понятий: **образ, способ и стиль жизни**, которые нередко употребляются как синонимы, хотя таковыми в действительности не являются. Их соотношение практически не освещено в научной литературе и они до нас **прежде не рассматривались в качестве системной триады переходящих друг в друга категорий**, отражающих диалектику объективного и субъективного, общего, особенного и единичного, позволяющих моделировать образ жизни как изменяющуюся систему.

В таком понимании образ жизни, являясь строго научной, а не идеологической или же общежитейской конструкцией, возникает в результате взаимодействия (а нередко и «борьбы») доминирующих способов и стилей жизни, продуцируемых личностями определённых социальных типов, повседневная жизнедеятельность которых является исходным элементом собственно социологического анализа.

В рамках разработанной концепции дано строгое разграничение и развёрнутые определения понятий образ, способ и стиль жизни.

Итак, **образ жизни** – устойчивые формы социального бытия, совместной деятельности людей, типичные для исторически конкретных социальных отношений, формирующиеся в соответствии с генерализованными нормами и ценностями, отражающими эти отношения. Он складывается в результате реализации и последующей объективации тех или иных многообразных способов и (или) стилей жизни, появления модальной личности, воспроизводящей отношение к миру, характерное для доминирующих моделей жизнедеятельности и консолидирующее основные сегменты социального пространства.

Образ жизни – устойчивые формы социального бытия, совместной деятельности людей, типичные для исторически конкретных социальных отношений, формирующиеся в соответствии с генерализованными нормами и ценностями, отражающими эти отношения.

Наиболее общие черты образа жизни являются типичными чертами общества в целом. Именно они, несмотря на значительную дифференциацию по способам и стилям жизни, маркируют отличие одной цивилизации от другой. И именно в этом смысле мы говорили и говорим о социалистическом и буржуазном, христианском и мусульманском, американском и советском образе жизни.

Как показывает исторический опыт, образ жизни детерминирован социальным временем и характерен для обществ, выработавших свою социальную и (или) национальную, шире – цивилизационную определённость. Строго говоря, он не является объектом свободного личностного выбора, а выступает в виде более или менее ограниченной совокупности возможностей социальной адаптации, задающих и формирующих базовые типы жизнедеятельности в процессе социализации. Поэтому его функция – скорее организация, упорядочение, нежели самоорганизация жизни.

В условиях кризиса социальной системы, приводящего к разрушению устойчивых генерализованных связей, скрепляющих общество, образ жизни распадается и представляет собой мозаику альтернативных способов и стилей жизни, каждый из которых «борется» за приоритетность своего социального качества.

Изучение образа жизни обычно направлено прежде всего на выделение общих черт и прослеживание интегративных тенденций в жизнедеятельности членов общества.

Способ жизни является типом жизнедеятельности, складывающимся как под влиянием объективных условий, так и внутренних побудительных сил, и реализующим возможности, заложенные в образе жизни и его объективных условиях. Его суть «в построении соответствующей стратегии жизни» [Абульханова-Славская 1991: 7]. Именно поэтому в нашем понимании способ жизни всегда соотносим с реальной социальной ситуацией и определяется характером взаимодействия с ней. И в этом смысле является не только способом поддержания, воспроизводства, но также изменения социальных отношений; не только способом включения в социальную структуру, но важным фактором её динамики, поскольку взаимодействие с социальной ситуацией предполагает субъектность, целенаправленную активность (выбор профессии, рода занятий, места жительства и т. п.) на основе осознания своих особых интересов и имеющихся альтернатив.

Однако способы жизни характеризуют не просто специфические черты жизнедеятельности людей, но определённые системы своеобразных, конкретных, качественно отличных друг от друга, нередко альтернативных жизнепроявлений – типичные пути *социального самоопределения*, проявляющиеся в повседневной активности людей. Именно в этом плане мы говорим о городском, сельском, предпринимательском, фермерском и т. п. способах жизни.

Способ жизни является типом жизнедеятельности, складывающимся как под влиянием объективных условий, так и внутренних побудительных сил, и реализующим возможности, заложенные в образе жизни и его объективных условиях.

В свою очередь, в ситуациях реального плюрализма норм, ценностей, форм социально-экономической адаптации и самоидентификации неизбежно происходит диверсификация способов жизни, формирование личностей и групп, жизнь которых в силу различий конкретных жизненных ситуаций, флуктуации внешних и (или) внутренних условий, начинает отличаться (порой значительно) от той, что сложилась в том или ином способе жизни. Такие особые, сознательно избираемые или продуцируемые способы самоорганизации повседневной жизни, присущие, как правило, близким социальным субъектам (социально-психологическим типам), производящим своё материальное бытие в одной и той же форме (например, индивидуальной), но преследующим при этом разнопорядковые интересы и цели, мы называем **стилями жизни**. Это *личностное самоопределение в рамках социального*, осуществляемое в результате взаимодействия человека с жизненной ситуацией в процессе его самоидентификации и самодифференциации в микросреде.

Говоря более конкретно, стиль жизни характеризует лишь та часть повседневного поведения, ценностных ориентаций и создаваемой самим человеком среды обитания (жилище, вещи и т. п.), которая, с одной стороны, способствует его *идентификации* с определённой группой (её образом), а с другой – *выделяет* (отличает) ту или иную группу среди других человеческих групп. Стиль жизни, следовательно, субкультурное понятие, характеризующее микросреду и её особенности, реализуемые в определённой форме в деятельности людей. Являясь, как правило, результатом свободного выбора, характеризуя социальные позиции, притяжения и социальную дистанцию, стиль жизни отражает значительные, но незаметные глазу социального философа глубинные изменения в социальной структуре, определяя развитие способов жизни. Соотношение тех или иных стилей жизни (например, цивилизованного/нецивилизованного) отражает специфику и динамику определённого способа жизни (например, предпринимательского). Причём один и тот же способ жизни может быть связан с различными стилями жизни, выступающими по отношению к нему не только как специфические модификации, но имитации его существа в результате особенностей личностной самоорганизации (самоопределения, самоидентификации) жизнедеятельности. Например, в рамках фермерского способа жизни нами были вычленены четыре стиля жизни, весьма значимо отличающихся друг от друга: собственно фермерский, крестьянский и два их альтернативных подтипа: псевдофермерский и псевдокрестьянский [Возьмитель 1994].

Стиль жизни оказывается слабо связанным со способом жизни в тех случаях, когда он формируется вне трудовой деятельности, в свободное время. Именно туда смещается и там

Стиль жизни – это личностное самоопределение в рамках социального, осуществляемое в результате взаимодействия человека с жизненной ситуацией в процессе его самоидентификации и самодифференциации в микросреде.

ощущается подлинность бытия, именно там человек реализует (или пытается реализовать) себя как профессионал, мастер и т. п., будь то увлечение искусством, литературой, коллекционированием, любовными приключениями, охотой, рыбалкой, туризмом и т. д. Сегодня не редкость, когда это «замещение» становится основной трудовой деятельностью: фарцовщик превратился в официального предпринимателя; валютчик – в банкира; страстный турист – во владельца турбюро и т. д.

В стилях и способах жизни находят своё практическое выражение активность и направленность личности – устойчивая доминирующая система деятельности, интересов, мотивов, убеждений и идеалов, вкусов и т. п. Это особые структурные состояния системы образа жизни (репродуцированная социальная практика по Э. Гидденсу), представляющие собой потенциальную социальную структуру. В сегодняшней ситуации внутри них нередко разрабатываются новые стандарты (самонормирование), возникают новые социальные эталоны и культурные образцы, фиксирующие накопленный социальный опыт на основе освоения неведомых ранее форм и способов деятельности. В конечном итоге именно изучение этого процесса даёт возможность понять, как, каким образом определённые формы жизнедеятельности и способы социального действия начинают определять «доминантную форму интеграции» (П. Сорокин), становление общества и личности определённого типа.

Итак, образ, способ и стиль жизни различаются как по объёму (широте) отражаемых ими явлений и процессов, так и по их характеру (общественные, социальные, социально-психологические); по своим социальным функциям (социализация, социальное и личностное самоопределение) и субъекту (модальный тип личности, личности определённых социальных и социально-психологических типов). Вместе с тем надо обратить внимание ещё на один аспект анализа: образ и стиль жизни могут выступать и реально выступают в качестве противоположностей. Образ жизни выражает существенную для данного общества связь, проявляющуюся в «доминантной форме интеграции», способах организации и функционирования совместной жизнедеятельности. Стили жизни в силу своей относительной автономности, независимости от социально-экономических и социально-политических условий нередко являются носителями и выразителями иной существенной связи и в этом смысле выступают главным источником изменений в образе жизни.

Это разные полюса анализа, которые не должны рассматриваться отдельно или в качестве слабосвязанных компонентов единой системы, а только как диалектически взаимосвязанные, реализующиеся через своё другое (способ жизни) и на его основе. Таким образом, способы жизни выступают не просто в качестве звена, опосредующего отношение образа и стилей жизни, но как их объединяющее начало. А процесс

В стилях и способах жизни находят своё практическое выражение активность и направленность личности – устойчивая доминирующая система деятельности, интересов, мотивов, убеждений и идеалов, вкусов и т. п.

познания сущности образа жизни (от анализа стилей – к способам жизни, а от них – к складывающейся характеристике образа жизни как единства в многообразии) совпадает с общим направлением процесса познания от изучения единичного к обнаружению особенного и раскрытию общего.

Сегодня, когда появилось реальное многообразие форм жизнедеятельности, вряд ли целесообразно для их обозначения и анализа пользоваться лишь одним многозначным, по преимуществу литературно-художественным и научно-публицистическим понятием «образ жизни». Последнее было введено в научный оборот прежде всего для подчёркивания не столько целостности, сколько единообразия, общности социальных процессов, когда любая их индивидуализация и разнообразие всячески игнорировались и третировались.

«Поле» образа жизни – общество в целом. Социологическое же изучение многообразия повседневной жизни целесообразно, на наш взгляд, вести на уровне стилей и способов жизни, где действуют конкретные социальные субъекты, «проклёвываются» различные альтернативы общественного развития, где крепнет солидарность и прорастает конфликтность. Собственно, только таким путём можно прийти к реальным характеристикам складывающегося в обществе образа жизни.

А следовательно, именно социологическое изучение личностей определённых типов становится основанием для определения общих для них черт жизнедеятельности, являющихся как специфическими по отношению к образу жизни общества в целом, так и генерализованными в зависимости от характеристик складывающейся социально-политической и социально-экономической ситуации.

Следует отметить естественность рассматриваемых категорий в целях анализа альтернатив общественного развития: все они изначально выступают как парные, сравнительные, имеющие различные полюса притяжения: образ жизни буржуазный и социалистический; способы жизни элиты и масс, в городе и на селе; стили жизни активно-деятельный и пассивно-потребительский, и т. п.

Введение в научный оборот системной триады «образ, способ и стиль жизни» позволяет, на наш взгляд, обеспечить проблемно-тематическую целостность огромного пласта исследований повседневной жизни, нащупать объяснения происходящих процессов и решить многие актуальные теоретико-познавательные задачи.

Взаимодействие способов и стилей жизни, а также влияние этого взаимодействия на состояние образа жизни и общество в целом наглядно отражено на рис. 1, 2 и 3.

Предваряя комментарий к этим рисункам, обратим внимание читателя на два принципиально важных положения.

Введение в научный оборот системной триады «образ, способ и стиль жизни» позволяет обеспечить проблемно-тематическую целостность огромного пласта исследований повседневной жизни, нащупать объяснения происходящих процессов и решить многие актуальные теоретико-познавательные задачи.

1. Образ жизни не существует вне и помимо разнообразных способов и стилей жизни, представляя собой их единство в многообразии.

2. Плюралистическому обществу и его образу жизни для устойчивого развития необходим **центральный универсум**, включающий в себя базовые для данного общества, внутренне непротиворечивые установки, способы интеграции и мотивации, считающиеся само собой разумеющимися, а также частные универсумы (способы и стили жизни), сосуществующие, а то и борющиеся друг с другом.

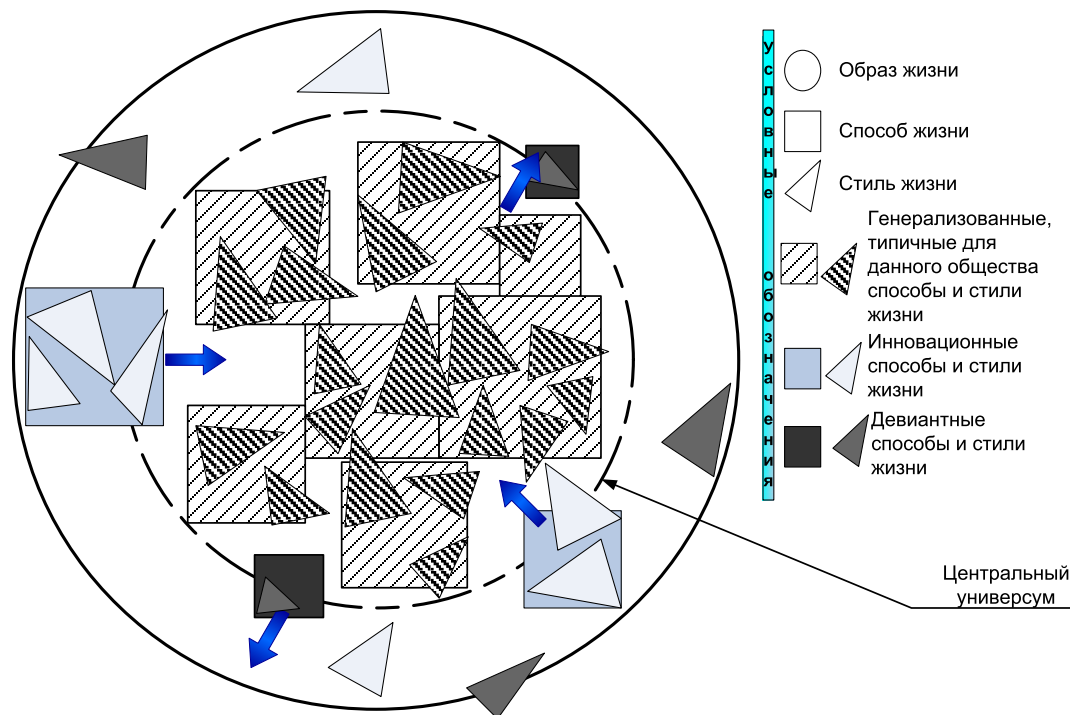

Рис. 1. Образ жизни стабильного общества

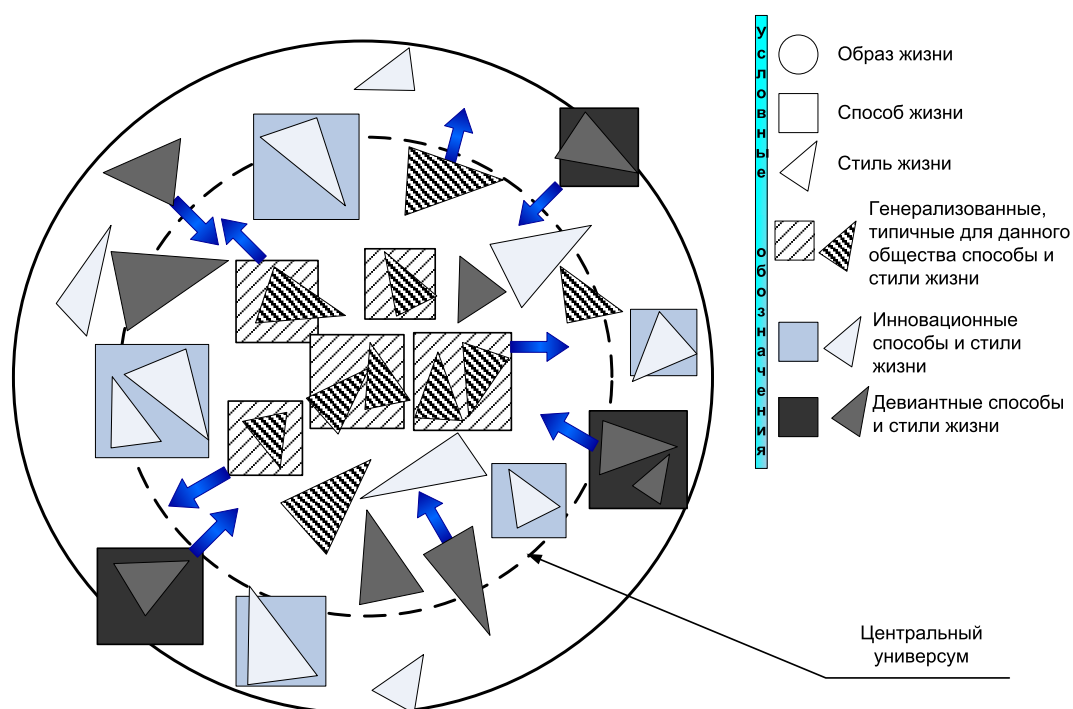

Рис. 2. Образ жизни нестабильного общества

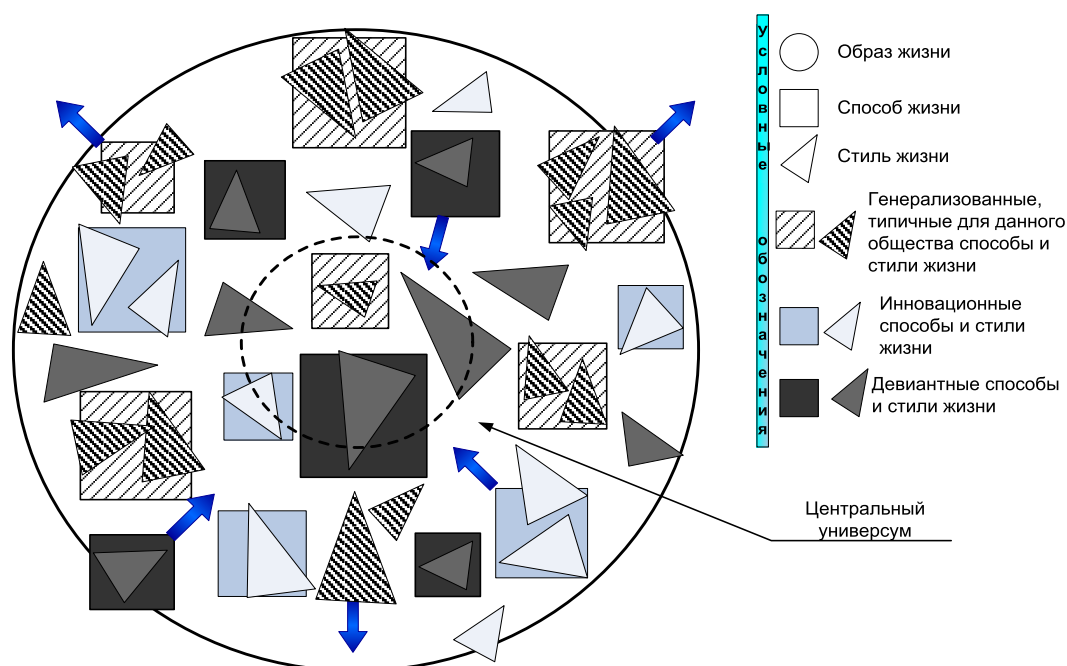

Рис. 3. Образ жизни кризисного общества

Как видно из представленного иллюстративного материала, в стабильном обществе девиантные формы социальной интеграции и мотивации вытесняются на периферию образа жизни. В то же время определённые социально приемлемые инновационные модели жизнедеятельности, не являющиеся альтернативными центральному универсуму, проникают в него, вызывая соответствующие социальные изменения, обеспечивая позитивную социальную динамику и преемственность в развитии общества и его образа жизни.

Нестабильное общество характеризуется активным проникновением в социальное пространство образа жизни девиантных, социально неодобряемых моделей жизнедеятельности. При этом генерализованные, типичные для данного общества способы и стили жизни продолжают доминировать в центральном универсуме, но постепенно сдают свои позиции.

В кризисном обществе пространство центрального универсума сужается, а то и вовсе исчезает. Происходит нарушение целостности образа жизни как единства в многообразии. Все смысло-жизненные установки, все способы социальной интеграции и мотивации, представленные различными моделями жизнедеятельности, приобретают как бы равный статус. Однако в результате столкновений и борьбы последних за приоритетность своего социального качества «побеждают» те из них, которые являются носителями и выразителями наиболее существенной для данного состояния общества социальной связи, в соответствии с которой формируются новые доминантные формы интеграции и способы отношения к миру. А, следовательно, идёт процесс становления качественно нового образа жизни.

Таким образом, отражая процесс становления объективных социальных феноменов на основе субъективного личного опыта, динамическая (субъектно-деятельностная)

Нестабильное общество характеризуется активным проникновением в социальное пространство образа жизни девиантных, социально неодобряемых моделей жизнедеятельности.

концепция образа жизни восстанавливает связь абстрактных научных понятий с жизненным миром, миром повседневного знания и деятельности.

Как следует из представленной концепции, социологическое изучение стилей и способов жизни, а также характеристик реально складывающегося образа жизни осуществляется с помощью анализа деятельности субъектов в определённых ситуациях: социетальной, социальной и жизненной.

Ситуация (в рассматриваемом нами контексте) – это особая констелляция условий, формирующая определённую типичность человеческих судеб со схожими проблемами, восприятием своего жизненного мира и отношением к нему, детерминирующая тот или иной характер активности субъекта.

При анализе ситуации следует учитывать:

- объективные условия – экономические, социальные, культурные, экологические;
- субъективные условия – различные состояния сознания людей, их восприятие окружающей действительности и отношение к ней, потребности, интересы, ценности, мотивы, цели, социальные установки и т. п., характеризующие жизненную позицию человека.

Различные ситуации складываются в результате взаимодействия объективных условий и деятельности определённых социальных субъектов.

Социетальная ситуация используется для анализа образа жизни на уровне общества в целом для прояснения его состояния, базовых доминантных черт и основных тенденций развития. Конструируется из экономической, политической, социальной, культурной, демографической, экологической ситуаций, в каждой из которых действуют свои субъекты жизнедеятельности.

Социальная ситуация используется для анализа способов жизни людей, принадлежащих к одной территориальной общности, типу поселения, а также формирующихся в различных сферах трудовой деятельности.

Жизненная ситуация используется для анализа стилей жизни на уровне взаимодействия личностей определённых социально-психологических типов с их непосредственными условиями жизнедеятельности.

В рамках анализа ситуации каждого типа (социетальной, социальной, жизненной) подбираются соответствующие массивы данных, характеризующие объективные и субъективные условия жизни людей. На этой основе идёт разработка конкретных показателей и методических приёмов эмпирического социологического исследования, направленных прежде всего на выявление механизмов взаимодействия людей с определёнными условиями и способов решения ими актуальных проблем.

Восходя от стилей к способам, а от них – к образу жизни, мы воспроизводим состояние этого феномена как бы в разрезе его базовых черт, присущих или не присущих его субъектам разного уровня и типа; отслеживаем новации в мотивациях, ценностных ориентациях и социальном поведении людей, выявляем важнейшие социальные проблемы, депривации, конфликты и т. п. Это даёт возможность выявить тенденции развития как отдельных моделей образа жизни, так и всей его конструкции в целом.

Таким образом ситуация, входя в язык описания объекта, выступая средством его анализа, а также отражая реальные обстоятельства жизнедеятельности субъекта, обладает как категориальным, так и онтологическим статусом.

Важными показателями анализа выступают личностные смыслы, придаваемые людьми определённым ситуациям; разносторонние оценки этих ситуаций и входящих в них объективных условий, включая удовлетворённость различными их сторонами и ситуацией в целом; отношение к субъектам ситуации, направленности и функциям их деятельности и т. п.

Именно в таком ключе анализировалась нами современная социально-политическая ситуация в России [Возьмитель 2015; 2016].

Что же касается динамики образа жизни в сравнении с доперестроечным периодом, то тут мы используем традиционные сквозные показатели, разработанные нами ранее (в методике первого всесоюзного исследования образа жизни), характеризующие уровень и качество жизни, микросреду, терминальные и инструментальные ценности, состояние социальной инфраструктуры и т. п.

Следует отметить, что названные выше традиционные единицы анализа хорошо вписываются в ситуационный анализ. Они использовались нами для описания отличительных характеристик способов и стилей жизни в постсоветском социальном пространстве [Возьмитель 2002: 97–113; Возьмитель 2012: 117–144].

Своеобразие изучения состояния и динамики общественных отношений через призму образа жизни состоит в том, что все социально-экономические, социально-политические, духовные и т. п. процессы анализируются через жизнедеятельность социальных субъектов, качественной характеристикой которой выступает *активность личности*, действующей в разных сферах и масштабах своей жизни. Эта активность проявляется в формах деятельности, поведения, общения и отношения с определённой интенсивностью, характером и направленностью (+/–), что даёт возможность содержательного сквозного целостного её анализа вне зависимости от сферы и масштаба приложения сил субъекта.

Заключение

Итак, в ходе реконструкции исследуемого явления был прослежен процесс становления объективных социальных феноменов на основе субъективного опыта, от личностных субъективных его значений до высокогенерализованных, интерсубъективно обоснованных конструкций, содержащих эти значения в преобразованном «снятом» виде.

В созданной концепции чётко проведена идея целостности жизнедеятельности и её комплексного анализа, а разработанные категории выступают как диалектически взаимосвязанные, взаимопереходящие друг в друга. Соответственно процесс познания сущности образа жизни (от анализа стилей – к способам жизни, а от них – к складывающейся характеристике образа жизни как единства в многообразии) совпадает с общим процессом познания: от изучения единичного – к обнаружению особенного и раскрытию общего. Это научный анализ моделей образа жизни, осваивающих наличное социальное пространство и содержащих в себе его будущее состояние.

Таким образом, социология образа жизни является целостным концептуальным конструктом, проясняющим внутренние закономерности становления, формирования и распада образа жизни, позволяющим понять, как те или иные формы жизнедеятельности людей и способы социального действия начинают определять «доминантную форму интеграции», становление модальной личности и общества современного типа.

Библиографический список

Абульханова-Славская К. А. 1991. Стратегия жизни. М.: Мысль. 299 с.

Бестужев-Лада И. В. 1980. Опыт типологии социальных показателей образа жизни // Социологические исследования. № 2. С. 3-9.

Бестужев-Лада И. В. 1983. Содержание, структура и типология образов жизни // Социальная структура социалистического общества и всестороннее развитие личности / Под ред. Л. П. Буевой. М.: Наука. С. 82-96.

Библия. М.: Библейские общества. 1995. 1346 с.

Вебер М. 1990. Избранные произведения. Пер. с нем. / Под ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс. 808 с.

Возьмитель А. А. 2002. Диверсификация образа жизни (Способы и стили жизни в постсоветском социальном пространстве) // Мир России. Социология. Этнология. № 1. С. 97-113.

Возьмитель А. А. 1991. Образ жизни: от старого подхода к новому // Социально-политические науки. № 1. С. 85-91.

Возьмитель А. 2012. Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России. М.: Институт социологии РАН. 230 с.

Социология образа жизни является целостным концептуальным конструктом, проясняющим внутренние закономерности становления, формирования и распада образа жизни, позволяющим понять, как те или иные формы жизнедеятельности людей и способы социального действия начинают определять «доминантную форму интеграции».

Возьмитель А. А. 2015. Рейтинги и их социологический анализ // Власть. № 8. С. 44–51.

Возьмитель А. А. 2016. Социальное неравенство и его риски в советской и постсоветской России // Власть. № 8. С. 5–13.

Возьмитель А. А. 1994. Социальные типы фермеров и тенденции развития фермерского движения // Социологические исследования. № 10. С. 43–50.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Соч. Изд. 2-е. Т. 3. М.: Госполитиздат. 629 с.

Методология и методика системного изучения советской деревни / Отв. ред. Т. И. Заславская и Р. В. Рывкина. Новосибирск: Наука, 1980. 394 с.

Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю. А. Левады. М.: Мировой океан, 1993. 300 с.

Советский образ жизни. Состояние, мнения и оценки советских людей / Под ред. И. Т. Левыкина и А. А. Возьмителя. М.: ИСИ АН СССР, 1984. 164 с.

Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни. Вопросы методологии и методов исследования / Отв. ред. И. Т. Левыкин. М.: ИСИ АН СССР. 1980. 197 с.

Социалистический образ жизни. М.: Политиздат. 1984. 318 с.

Тощенко Ж. Т. 1980. Социальное планирование в СССР. М.: Политиздат. 320 с.

Тощенко Ж. Т. 1983. Идеология и жизнь. М.: Советская Россия. 192 с.

Ципко А. С. 1979. Философский смысл проблемы образа жизни // Проблемы методологии исследования образа жизни в социалистических странах / Под ред. З. Суфина и А. Ципко. Варшава: Институт основных проблем марксизма-ленинизма ЦК ПОРП, Институт философии и социологии ПАН. С. 10–35.

Georg W. 1998. Soziale lage und lebensstil. Eine typologie. Opladen: «Leske+Budrich». 256 p.

Mitchell A. 1983. The nine American lifestyles. Who we are and where we're going. N.Y.: Macmillan. 302 p.

DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.479

The Conceptual Foundations for the Sociology of Lifestyle

Vozmitel Andrey Andreyevich

Doctor of Sociological Sciences, main researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: Vozmitel@isras.ru

Abstract. A “modernizational” breakthrough in the Soviet way of life, transformation of a single-style culture into a multi-style one, diversification of lifestyle, together with the emergence of the latter’s absolutely new forms and subjects have created the need for a conception which could explain the changes occurring, the need for an adequate scientific understanding of processes such as the decay and collapse or the emergence and fortification of a lifestyle, as well as of the very term itself together with the system of categories which are interconnected with it; for a conception which would serve as a key for understanding the social processes occurring in society on a macro and micro-scale, as well as for determining the dominants, alternatives and the emerging vector in terms of social development. In this regard the article presents a consistent re-conceptualization of the sociological approach towards studying lifestyle, a re-conceptualization which would reflect the dynamics of certain social processes taking place in the country; provided is a modern scientific (in contrast to an ideological or an ordinary) understanding of its essence, it being a process of reproducing certain social relations and creating appropriate types of personalities; established is a transition from a structural-functional lifestyle dynamic conception towards a subject-activity based one. Within the established conception the idea of integrity in living together with its comprehensive analysis is clearly drawn out, while the developed categories act as dialectically interconnected and transferring into one another. Thus the process of understanding the essence of lifestyle (from lifestyle analysis to ways of living, and from the latter to the emerging characterization of lifestyle as a unity within diversity) corresponds to the general process of learning, which starts with examining the individual and goes toward discovering the peculiar and unraveling the common. This is a scientific analysis of life models which develops the current social space and contains within its future state. Thereby sociology of lifestyle is an integral conceptual construct which allows understanding how certain manners of social action begin defining the “dominant form of integration”, as well as the emergence of modal personality and a modern type of society.

Keywords: Sociology, conception, living; image, manner and style of living; re-conceptualization.

References

- Abulkhanova-Slavskaya K. A. *Strategiya zhizni* [The Strategy of Life]. Moscow, Mysl', 1991. 299 p.
- Bestuzhev-Lada I. V. Opyt tipologii sotzial'nykh pokazateley obraza zhizni [[An Experience in typology of social indicators of society way of life. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1980, no. 2, pp. 39.
- Bestuzhev-Lada I. V. Soderzhanie, struktura i tipologiya obrazov zhizni [The content, structure and typology of lifestyles]. *Sotzial'naya struktura sotzialisticheskogo obschestva i vsestoronnee razvitie lichnosti*. Ed. by L. P. Bueva. Moscow, Nauka, 1983, pp. 82–96.
- Bibliya [The Holy Bible]. Moscow, Bibleyskie obshchestva, 1995. 1346 p.
- Georg W. Soziale lage und lebensstil. Eine typologie. Opladen, Leske+Budrich, 1998. 256 S.
- Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Oevres]. Second edition. Vol. . Moscow, Gospolitizdat, 1955. 629 p.
- Metodologiya i metodika sistemnogo izucheniya sovetskoy derevni [Methodology of systematic study of the Soviet village]. Ed. by T. I. Zaslavskaya, I. V. Ryvkina. Novosibirsk, Nauka, 1980. 394 p.
- Mitchell A. The nine American lifestyles. Who we are and where we're going. New York, McMillan, 1983. 302 p.
- Sostoyanie i osnovnye tendentsii razvitiya sovetskogo obraza zhizni. Voprosy metodologii i metodov issledovaniya [Status and main trends of the development of the Soviet lifestyles. Questions of methodology of research]. Ed. by I. T. Levykin. Moscow, ISI publ., 1980. 197 p.
- Sotzialisticheskii obraz zhizni [The socialistic lifestyle]. Moscow, Politizdat, 1984. 318 p.
- Sovetskiy obraz zhizni. Sostoyanie, mneniya i otsenki sovetskikh liudey [Soviet lifestyle. The state, opinions and assessments of Soviet people]. Ed. by I. T. Levykin, A. A. Vozmitel. Moscow, ISI publ., 1984. 164 p.
- Sovetskiy prostoy chelovek. Opyt sotzial'nogo portreta na rubezhe 90-kh [Soviet simple man. The experience of social portrait at the turn of the 90's]. Ed. by Y. A. Levada. Moscow, Mirovoy okean, 1993. 300 p.

Toschenko Zh. T. Ideologiya i zhizn' [*Ideology and Life*]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1983. 192 p.

Toschenko Zh. T. Sotzial'noe planirovanie v SSSR [*The Social Planning in the USSR*]. Moscow, Politizdat, 1980. 320 p.

Tzipko A.S. Filosofsky smysl problemy obraza zhizni [Philosophical meaning of the problem of lifestyle]. Problemy metodologii issledovaniya obraza zhizni v sotzialisticheskikh stranakh. Ed. by Z. Sufin, A. Tzipko. Warsaw, Institut osnovnykh problem marksizma-leninizma CK PORP, Institut filosofii i sotziologii PAN, 1979, pp. 10–35.

Veber M. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Ed. by Y. N. Davydov. Moscow, Progress, 1990. 808 p.

Vozmitel A. A. Diversifikatsiya obraza zhizni [Diversification of lifestyle]. Mir Rossii. Sotziologiya, etnologiya, 2002, no 1, pp. 97–113.

Vozmitel A. A. Obraz zhizni: ot starogo podkhoda k novomu [Lifestyle: from the old approach to the new one]. Sotzial'no-politicheskie nauki, 1991, no 1, pp. 85–91.

Vozmitel A. A. Obraz zhizni: tendentsii i kharakter izmeneniy v poreformennoy Rossii [Lifestyle: trends and patterns of change in post-reform Russia]. Moscow, IS RAS publ., 2012. 230 p.

Vozmitel A. A. Reytingi i ikh sotziologicheskyy analiz [Ratings and their sociological analysis]. Vlast, 2015, no 8, pp. 44–51.

Vozmitel A. A. Sotzial'noe neravenstvo i ego riski v sovetskoy i postsovetskoy Rossii [Social inequality and its risks in Soviet and post-Soviet Russia]. Vlast, 2016, no 8, pp. 5–13.

Vozmitel A. A. Sotzial'nye tipy fermerov i tendentsii razvitiya fermerskogo dvizheniya [Social types of farmers and trends in the development of farmers' movement]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 1994, no 10, pp. 43–50.